

Янин В.Л.

Новгородские посадники

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Я62

Янин В.Л.
Я62 Новгородские посадники / Янин В.Л. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 410 с.

ISBN 978-5-458-27735-8

В политической истории средневековой Руси Великому Новгороду принадлежит значительное и своеобразное место. Это своеобразие, обусловленное неповторимыми особенностями новгородского государственного строя, никогда не перестанет привлекать исследователей.

ISBN 978-5-458-27735-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

мена многочисленных представителей всех классов Новгорода, а в XV в. судьба республики волнует лишь новгородских землевладельцев.

Несмотря на бесспорную важность конкретных исследований характера и движущих сил политической борьбы в республиканском Новгороде, в литературе этому вопросу уделялось гораздо меньше внимания, чем он того заслуживает. Исследователи, как правило, ограничивались анализом отдельных восстаний или же общими рассуждениями о борьбе политических группировок, обращая больше всего внимания на ту часть проблемы, которая связана с изучением народных движений. Это направление не только закономерно, но и всегда будет составлять основу представлений о степени и путях развития классовой борьбы. Однако несомненно также, что такое сложное явление, как классовая борьба, может и должно быть исследовано во всех возможных аспектах. В то время как эксплуатируемые массы в процессе классовой борьбы борются за лучшие условия существования, стоящий у власти класс направляет свои усилия к постоянному совершенствованию государственного аппарата принуждения, к упрочению своей власти, к новому обузданию трудящихся масс. В этой борьбе, следовательно, претерпевает изменение не только класс эксплуатируемых, но и класс эксплуататоров. Чем активнее классовая борьба, чем энергичнее натиск народных масс, тем активнее поиски новых средств самозащиты правящего класса. Само развитие государства, будучи развитием «аппарата принуждения», находится в прямой зависимости от развития классовой борьбы, успехи которой имеют неизбежным следствием прогрессирующий процесс консолидации правящего класса. Мы исходим из этой идеи, полагая, что изучение истории новгородской государственности является одним из аспектов изучения классовой борьбы в Новгороде.

В нашу задачу входит рассмотрение двух главных проблем: вопроса о связи истории новгородских государственных институтов с историей классовой борьбы и вопроса о связи этих институтов с историей борьбы внутри самого боярского класса. Практически это единая проблема, поскольку классовая борьба в Новгороде сплошь и рядом внешне объединялась с внутриклассовой борьбой боярства⁴.

Еще в исследованиях дворянских и буржуазных историков В. В. Пассека, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. А. Рожкова было обращено внимание на обычное противопоставление летописцем Софийской стороны Новгорода — Торговой стороне. Это противопоставление приобретает тем большую конкретность, что на протяжении XII—XV вв. стороны неоднократно выступают одна против другой с оружием в руках, а мост, соединяющий обе половины Новгорода, служит местом схватки или разбирается для укрепления обороны.

Противопоставление сторон летописцем породило чрезвычайно распространенный в старой литературе вывод о том, что Волхов был не только административной, но и классовой границей города. В. В. Пассек приходил к выводу, что Софийская сторона была заселена боярами-землевладельцами, тогда как основное население Торговой стороны составляли ремесленники и купцы: «Все без исключения данные говорят, что Софийская сторона была стороною боярскою, а Торговая сторона — стороною купеческого или черного народа»⁵. В. В. Пассек не допускал даже мысли, что кто-либо из бояр мог жить на Торговой стороне. Обра-

⁴ На недостаточную изученность общей зависимости хода борьбы городского плебса в Новгороде от противоречий внутри новгородского боярства в советской исторической литературе уже указывалось (А. А. Зимин, А. А. Преображенский. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы в России (до начала XIX века). «Вопросы истории», 1957, № 12, стр. 137).

⁵ В. П а с с е к. Новгород сам в себе. ЧОИДР, 1869, кн. 4, стр. 115.

тив внимание на возникновение время от времени коалиции Торговой стороны и Неревского конца, он писал по этому поводу: «Козни и соперничества между боярскими семьями уже в XIII столетии раскрывали возможность для Торговой стороны найти между боярами таких лиц, которые готовы были вести ее или идти с ней против своих же братьев бояр, против главы боярства и всего Новгорода — против посадника; мало того, давали возможность Торговой стороне найти себе естественную опору в целой толпе бояр — в целом конце»⁶.

Подобный взгляд выражен и в работах В. О. Ключевского: «Когда народ подозревал или видел со стороны выборных властей либо всего правящего класса замыслы или действия, казавшиеся ему преступными или опасными, тогда вече, преобразуясь в верховное судилище, получало не всенародный, а протонародный состав, становилось односторонним, представляло одну лишь Торговую, черную сторону во главе с боярами демократической партии»⁷.

Причудливая трансформация того же направления присуща известной работе Н. А. Рожкова о новгородских политических партиях⁸. Н. А. Рожков утверждал, что Торговая, а не Софийская сторона была оплотом боярства, а Софийская, напротив, оказывается демократической. Однако, по Н. А. Рожкову, боярами были равно и «аристократы» и «демократы», возглавлявшие каждую свою сторону.

М. Н. Покровский, бывший последним сторонником классово-территориального деления Новгорода, вновь оперировал распространенными со времен В. В. Пассека представлениями, населяя Торговую сторону купечеством, а Софийскую — боярами. Правда, в полном соответствии со своей «торговой теорией», М. Н. Покровский видел в политической борьбе иные закономерности и иные причины. По его мнению, боярство вообще не играло никакой роли в государственном управлении Новгорода: «Новгород дает нам полную картину той эволюции, первые этапы которой мы могли изучать в истории Киева. Патриархальную аристократию сменила не олигархия крупных собственников, а демократия «купцов» и «черных» людей — мелких торговцев и ремесленников, «плебеев»⁹. Поэтому городские восстания в Новгороде, по М. Н. Покровскому, принимали форму борьбы должников с кредиторами. Признавая классово-территориальный характер деления Новгорода, М. Н. Покровский не придавал ему сколько-нибудь существенного значения: мелкие купцы боролись с крупными купцами на своей Торговой стороне, где против купцов выступали также и ремесленники.

Критика теории М. Н. Покровского, предпринятая советскими историками, привела к правильному пониманию классовой сущности новгородской олигархии, связь которой с крупным землевладением была доказана многочисленными документальными данными¹⁰.

Широко распространенный в прошлом взгляд на классовый антагонизм сторон Новгорода полностью отвергнут исследованием фактов, говорящих о равномерном заселении Новгорода представителями всех

⁶ В. Пассек. Новгород сам в себе. ЧОИДР, 1869, кн. 4, стр. 144.

⁷ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 2, М., 1912, стр. 114 и сл.

⁸ Н. Рожков. Политические партии в Великом Новгороде XIII—XV вв. ЖМНП, 1901, март, стр. 241—286.

⁹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. I, М., 1920, стр. 112.

¹⁰ См. А. В. Арциховский. К истории Новгорода. «Истор. зап.», 1938, № 2; С. А. Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939; В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1961.

общественных слоев. Немаловажную роль в борьбе с этими представлениями сыграли еще на рубеже XIX и XX вв. работы А. Г. Ильинского, В. В. Майкова и А. М. Гневушева¹¹, в которых впервые были изучены данные писцовых и разметных книг XVI в. Статистически обработанные, эти данные позволили предпринять подсчет населения различных районов Новгорода и отдельных улиц по социальным группам и обосновать бесспорный вывод о том, что «торгово-промышленное» население составляло основную массу и на Торговой, и на Софийской стороне, а остальные группы населения также равномерно заселяли обе стороны города.

Для более раннего времени, недостаточно освещенного письменными источниками, решающее слово было сказано археологическими исследованиями. Раскопки, произведенные в разных районах города, показали повсеместную распространенность ремесленных мастерских, а следовательно, и отсутствие каких-либо замкнутых районов, заселенных исключительно черным людом¹². О том же говорят и данные топонимики, отразившей в названиях концов и улиц существование ремесленного населения во всех районах Новгорода.

Эти материалы, изменившие самую основу представлений о размещении в Новгороде классовых сил, привели к созданию новых концепций, которые пользуются признанием до сегодняшнего дня и уже в силу этого нуждаются в более подробном рассмотрении. Господствующая сейчас концепция наиболее четко изложена в статьях А. А. Строкова. Смысл развиваемых А. А. Строковым положений сводится к следующему.

Поскольку классово-территориальное деление в Новгороде отсутствовало, летописным свидетельствам о борьбе сторон не следует доверять безоговорочно. Таких свидетельств очень мало; в большинстве случаев летопись рассказывает о движениях против князя, посадника, отдельных боярских семей, архиепископа, не связывая эту борьбу с делением города на Софийскую и Торговую стороны. В тех случаях, когда борьба сторон все же отмечена, она объясняется вполне конкретными причинами. На Софийской стороне находился Кремль — резиденция крупнейшего новгородского землевладельца — владыки, и бояре, почувствовав опасность, укрывались в Кремле, тогда как восставшие начинали свои действия с захвата Вечевой площади на Торговой стороне в силу того, что восстания вообще начинались на вече¹³.

Восстания в Новгороде носили исключительно классовый характер. В ходе их на одной стороне оказывался восставший народ, а на другой — все бояре. «Рассуждая формально, сражаются две «стороны», но по существу идет борьба не между сторонами, а между классами»¹⁴.

Между боярскими фамилиями, несомненно, имели место отдельные «распри», например из-за интересов в колониях, в пригородах, в Совете господ, при приглашении князей и т. д., но серьезных выводов из этого делать не следует. Сама внутрифеодалная борьба по своим масштабам и следствиям не идет ни в какое сравнение с классовой борьбой. Более того, подчеркивание внутрифеодалной борьбы является одним из

¹¹ А. Г. Ильинский. Городское население Новгородской области. «Историческое обозрение». 1897, т. XI; В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911; А. М. Гневушев. Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. «Сб. Новгородского о-ва любителей древности», вып. XI, 1912.

¹² См. А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55. М., 1956, стр. 22 и далее.

¹³ См. А. Строков. Некоторые вопросы из истории Новгорода Великого. Новгород, 1939, стр. 14 и сл.; перепечатано в книге: А. Строков и В. Богусевич. Новгород Великий. Новгород, 1939, стр. 14 и сл.

¹⁴ Там же, стр. 15.

средств в арсенале дворянско-буржуазной историографии для принижения роли классовой борьбы, попыткой растворить борьбу классов в борьбе между «партиями» в среде господствующего класса¹⁵.

Нам кажется, однако, что изложенные построения А. А. Строкова так решительно противостоят построениям историков дворянско-буржуазной школы скорее по форме, чем по существу. Вопреки А. А. Строкову буржуазные историки настаивали именно на классовом характере политической борьбы в Новгороде, на главенствующей роли классовой борьбы. Такая роль органически вытекает из самого представления о классово-территориальном делении города. При всей принципиальной неверности их методологической схемы этим работам присуще стремление осмыслить имеющиеся в летописи многочисленные сообщения о территориальных столкновениях в Новгороде и понять действительно существовавшее дробление боярства по различным соперничавшим группировкам. Остроту этих двух вопросов А. А. Строков пытается свести до минимума, однако эти вопросы настойчиво возникают всякий раз, когда исследователь касается подробностей политической борьбы. Отказаться от рассмотрения этих проблем вовсе не значит сделать шаг вперед в методике исследования или в борьбе с буржуазной историографией.

Между тем можно ли вообще, занимаясь анализом общественных и политических отношений при феодализме, сбрасывать со счета несомненное существование противоречий внутри самого класса бояр. На наш взгляд, это такая же теоретическая несообразность, как если бы историк наших дней сбросил со счета противоречия внутри капиталистического лагеря и рассматривал весь ход исторического процесса только под углом зрения классовой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми. История русского феодализма XI—XV вв., будучи историей феодальной раздробленности, постоянно включает в себя элемент внутрifeодальной борьбы. Этот период окрашен в зловещие тона огнем пожаров княжеских и боярских «котор», и нет оснований выделять Новгород, ставя его вне общерусских закономерностей борьбы внутри самого класса феодалов.

В самом деле, как только дело касается внутрifeодальных отношений в Новгороде, А. А. Строков рисует идиллическую картину монолитности новгородского боярства, в среде которого могут возникать лишь отдельные распри по отдельным поводам, которое не расколото на группы, не борется постоянно за доходы, влияние и власть. Получается, что на протяжении всей истории классовой борьбы в Новгороде монолитному черному люду противостоит монолитное боярство, в ходе борьбы сталкиваются не только оружие антагонистических классов, но и два вполне оформившиеся классовые самосознания. Стихийности и неорганизованности классовых движений черного люда противостоит четкая государственная организация боярства, и только в этом, по-видимому, состоит причина неуспеха народных движений.

Рассуждая о неорганизованности народных движений, об их стихийности, А. А. Строков вовсе пренебрегает тем обстоятельством, что в конечном счете восстания, вспыхивавшие в Новгороде, почти всегда побеждали, поскольку их конкретные цели бывали выполнены. Однако эти цели и эти победы оказывались полезными не для народных масс, а в каждом случае для определенных кругов боярства. В подавляющем большинстве случаев новгородские восстания, направленные против того или иного посадника, тысяцкого, боярина, приводили к свержению,

¹⁵ См. А. Строков. Ук. соч., стр. 15; его же. Восстание Степанки в 1418 г. «Новгородский исторический сборник», вып. 3—4. Новгород, 1938, стр. 106.

а иногда казни или изгнанию посадника, тысяцкого или боярина, а на их месте появлялся новый посадник или тысяцкий. Во всех случаях это были представители тех же феодалов. Восставшие выступали против «плохого» посадника — за «хорошего». Само это деление бояр на «плохих» и «хороших», очевидно, предполагает существование в среде боярства заметных противоречий, а следовательно, и группировок. Более того, «плохой» боярин в иных случаях оказывается «хорошим», переместившись из одного района Новгорода в другой. Хорошо известен случай, когда посадник Есиф Захарьинич, вызвавший возмущение Софийской стороны, нашел защиту у жителей Плотницкого конца, когда тысяцкий Есиф укрылся на Плотницком конце от жителей Славна и т. д.

Нам кажется весьма значительным наблюдение В. Н. Бернадского о связи новгородских восстаний с вечевой законностью¹⁶. Действия восставших развиваются обычно как выполнение государственной воли. Восстания начинаются с принятия вечевого решения; иными словами, боярское государство само борется с находящимися у власти боярами, что свидетельствует о существовании борьбы за высшие государственные должности внутри самой правящей верхушки.

В отличие от А. А. Строкова мы не можем во всех случаях новгородских восстаний видеть возмущение всего черного люда против всех бояр. Напротив, знакомство с ходом событий всякий раз возвращает нас к признанному устаревшим положению об особой роли определенных территорий города в политической борьбе.

Если действительно в Новгороде происходила постоянная борьба феодальных группировок за власть, вопрос об ее территориальных оплотах вполне закономерен. Летописец достаточно четко проводит границы этих территориальных оплотов. Это не только Волхов, который делит город на Торговую и Софийскую стороны. Это и Рогатица, отделяющая Славенский конец от Плотницкого. Это и Загородье, отделяющее неревлян от пруссов. Иными словами, рубежи политической розни новгородского боярства проходили по границам концов. Один конец мог противостоять остальным, он мог блокироваться с другими концами против конца или такого же блока других концов, но во многих случаях конец в глазах летописца является не только административной, но и политической единицей. В самой кончанской организации заложена основа группового сплочения бояр-соседей. Поэтому мы достаточно реально представляем себе возможность существования феодальных группировок, связанных с определенными районами Новгорода.

В советской исторической литературе проблема кончанской организации Новгорода привлекала внимание исследователей¹⁷. А. В. Арциховский исследовал ее наиболее подробно и, касаясь вопроса об ее первоначальном характере, присоединился к основательному предположению Б. Д. Грекова о том, что кончанское деление могло быть не только исконным, но и догородским. Б. Д. Греков сопоставлял кончанское деление Новгорода с кончанским делением новгородских волостей, в системе которых концами обозначались совокупности деревень¹⁸. Если это сопоставление правильно, можно предполагать, что Новгород как город возник в результате сплочения нескольких до того замкнутых в своих тер-

¹⁶ См. В. Н. Бернадский. Ук. соч., стр. 190 и далее. Говоря о вече, мы так же, как и В. Н. Бернадский, имеем в виду вече, руководимое должностными лицами, а не самостоятельное народное собрание.

¹⁷ См. А. В. Арциховский. Городские концы в древней Руси. «Истор. зап.», 1945, № 16; М. Г. Рабинович. Военная организация городских полков в Новгороде Великом в XII—XV вв. КС ИИМК, XXX, 1949.

¹⁸ См. Б. Д. Греков. Новгородский дом святой Софии, ч. I. СПб., 1914, стр. 291.

риториальных границах поселков, причем в основе каждого из этих поселков лежала совокупность отдельных поселений. В дальнейшем эти поселки сохранили заметные элементы своей обособленности, культивируя их в поддержании кончанской административной системы на протяжении всей самостоятельной истории Новгорода.

Таким образом, сами кончанские границы являются, на наш взгляд, незатянувшимися швами, по которым в древности было сшито городское тело Новгорода. Эти швы могли бы сгладиться только в том случае, если бы древнее кончанское деление проявило тенденцию к отмиранию, превратилось бы в пережиток и наконец уничтожилось. Однако оно существует не как пережиток, а как конструктивная основа государственного управления, государственного представительства и военной организации. Его могло поддерживать лишь соперничество концов, противопоставление каждого конца всем остальным. Поиски причин такого соперничества возвращают нас к вопросу о существовании в Новгороде территориальных боярских группировок, борющихся за власть.

М. Н. Тихомиров сравнивает подобную борьбу в Новгороде с борьбой гвельфов и гибеллинов во Флоренции, по поводу которых К. Маркс в «Хронологических выписках» заметил, что их распри «в сущности только *соры враждебных друг другу родов, а не борьба политических партий*»¹⁹. Эта параллель достаточно убедительна. И во Флоренции, и в Ферраре, и в других итальянских средневековых городах борьба аристократических родов за власть составляла существенную часть политической жизни и также втягивала в свою орбиту массу городского населения, ремесленников и торговцев. Практически она смыкалась с классовой борьбой. Городской плебс, пытаясь удовлетворить свои чаяния, выступал против части господствующего класса в поддержку другой части того же класса. Однако его борьба, заключенная в рамки внутрифеодальных столкновений, не могла увенчаться серьезными успехами, так как цели борьбы каждый раз определялись самой аристократией.

Феодальная борьба в Новгороде постоянно включала в себя политический элемент. Она происходила не только в форме боярских схваток, но и на вече; она проявлялась в восстаниях, вовлекая широкие массы населения Новгорода. Что касается классовой борьбы, то одной из основных ее особенностей в Новгороде было постоянное смыкание с внутрифеодальной борьбой за власть. Более того, в ходе восстаний та часть боярства, которая находилась в оппозиции наличным властям, охотно становилась во главе восстания, направляя его в своих интересах. Отсюда и конечная ничтожность тех результатов, к которым приводили усилия восставших, и постоянный успех оппозиционного боярства, победа которого обеспечивалась союзом с восставшим народом.

Резюмируя все сказанное выше, мы должны признать, что само существование в Новгороде вечевого строя вело к возникновению чрезвычайно своеобразных форм классовых столкновений. Эксплуатируемое население Новгорода в тех случаях, когда оно восставало против существующих властей, выступало только против наличного правительства, а не против боярского государства, иногда под лозунгом защиты республики. Такие движения всегда должны были находить сочувствие у части боярства, оппозиционной к наличному правительству, которая не только становилась под защиту восставших, но и получала возможность усилиями восставших прийти к власти. В то же время постоянное соперничество бояр разных концов, поддерживая административно-

¹⁹ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси, XI—XIII вв. Госполитиздат, М., 1955, стр. 239. См. «Архив Маркса и Энгельса», т. V, стр. 269.

политическое дробление Новгорода, разобщало и черный люд, который мог преодолеть территориальную рознь лишь в длительном процессе классовой борьбы и классовой консолидации. Смыкаясь с внутрифеодальной борьбой, новгородские социальные движения с самого начала оказывались противоречивыми, а результаты их — ущербными.

Таким образом, в исходном пункте исследования мы расходимся с А. А. Строковым, который, противопоставляя черный люд боярству, видел обе силы последовательно выступающими одна против другой. Не менее серьезны наши расхождения, например, с Н. А. Рожковым, который настолько преувеличивал успехи народных масс, что предполагал, будто их борьба раскалывала боярство и приводила часть его на сторону черного люда: Мы полагаем, что оба антагонистических класса развивались в процессе борьбы, и это развитие шло по пути консолидации каждого класса, по пути развития его классового самосознания. В начале этой борьбы эксплуатируемые массы разобщены не только организационно, но и идейно. Боярство располагает формами организации в виде государства, но его раздирают внутриклассовые противоречия. Здесь не только сила противостоит силе, но и слабость противостоит слабости. Если для черного люда преодоление разобщенности могло идти по путям осознания своей противоположности эксплуататорам, то для феодалов оно направлялось по пути преодоления собственной внутренней розни и совершенствования государственного аппарата.

Высказывая такие предположения об общем направлении классовой консолидации новгородского боярства, мы видим только одну возможность проверить и подтвердить их. Такая возможность заключается в подробном исследовании боярской государственности на разных этапах развития Новгородской республики.

Сосредоточивая внимание на посадничестве, мы в настоящем исследовании не ставим целью изучить эту государственность во всем многообразии. Многих важных вопросов мы не сможем коснуться вообще. Такие проблемы, как организация тысяцких, место в республиканских органах владычного управления, роль купеческих старост, состав Совета господ, роль организации черного духовенства и т. д., без решения которых невозможны окончательные суждения об устройстве Новгородской республики, могут быть изучены лишь как отдельные самостоятельные темы, нуждающиеся в детальном и пристальном исследовании. Однако посадничество на всем протяжении республиканского периода было наиболее заметным государственным органом, его судьбы стояли в центре внимания в ходе политической борьбы. В развитии посадничества отразились основные закономерности формирования новгородской государственности, и его изучение позволит в дальнейшем методически правильно исследовать другие важные стороны республиканского управления.

Единственное систематическое исследование истории новгородских посадников принадлежит перу историка начала XIX в. И. И. Григоровича и появилось в 1821 г.²⁰ Позднейшая работа Д. И. Прозоровского²¹, к сожалению, отличается исключительной путаницей в построениях, многочисленными неоправданными натяжками и злоупотреблением категорической формой утверждения при отсутствии элементарной аргу-

²⁰ И. И. Григорович. Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. М., 1821. (Далее — Опыт.) Труд И. И. Григоровича был издан анонимно и иногда, с легкой руки Д. И. Прозоровского, неосновательно приписывается автору дополнений к нему — К. Ф. Калайдовичу.

²¹ Д. И. Прозоровский. Новые разыскания о новгородских посадниках. «Вестник археологии и истории», вып. IX. СПб., 1892.

ментации. Особенно тягостное впечатление оставляют генеалогические экскурсии Д. И. Прозоровского. В своей бесспорной части его работа дает мало нового, сравнительно со старой книгой И. И. Григоровича, а основной целью последнего была систематизация источников проблемы.

К числу специальных небольших исследований о новгородских посадниках должны быть отнесены также упомянутая выше работа Н. А. Рожкова о политических партиях в Новгороде, которая наряду с попыткой разобраться в политической принадлежности посадников содержит ряд интересных хронологических наблюдений, и экскурс В. Н. Бернадского «Новгородские посадники середины XV в.»²², исследовавшего списки посадников указанного в названии экскурса времени.

Общие сведения о посадничестве содержатся также почти во всех исследованиях по истории Новгорода, однако самое элементарное их сравнение наглядно показывает, что проблема на протяжении длительного времени остается неразработанной. Читатель, заинтересовавшийся новейшими сведениями об организации новгородского посадничества, может найти их в работах И. Д. Беляева, А. И. Никитского и В. О. Ключевского²³, изданных еще в прошлом столетии, не опасаясь отстать в этом вопросе от современного уровня науки.

Исследователи чрезвычайно бегло и не вдаваясь в вопросы хронологии говорят о существовании в Новгороде степенного посадника, осуществлявшего главную роль во внутреннем управлении и внешней политике, и о «старых посадниках», которые когда-то были степенными, а затем вошли в состав Совета господ на правах его полномочных членов. Неясен вопрос о времени сложения этого порядка. Совсем не понятно, чем определялись переход посадников в «старые» и выборы нового степенного посадника. В ряде случаев признается, что выборы посадников осуществлялись на неопределенный срок. Это весьма противоречивое представление. В самом деле, если степенный посадник становился «старым» в результате неспособности или лишения степени под давлением оппозиции, Совет господ окажется собранием дискредитированных политических деятелей. Если он добровольно уходил со своего поста, уступая место новому посаднику, такая идиллическая картина нуждается в чрезвычайно веских обоснованиях, которых, по-видимому, не существует. К тому же, добровольные отречения никак не могут быть признаны характерной основой смены посадников. Предположение Н. И. Костомарова о том, что своим возникновением институт старых посадников обязан необходимости личного завершения бывшими степенными посадниками дел, начатых в момент их пребывания на степени²⁴, противоречиво по существу, так как возможность участия в управлении лишь до завершения этих дел должна была становиться главным стимулом к бесконечному их затягиванию. Мало проясняют вопрос и ссылки на известное сообщение де Ланнуа о ежегодном обновлении посадничества, поскольку периодически выбирались только степенные посадники. Теоретически количество старых посадников при всех предлагавшихся решениях вопроса остается неограниченным²⁵.

²² В. Н. Бернадский. Ук. соч., Приложение, стр. 357—362.

²³ Иван Беляев. Рассказы из русской истории. Кн. 2. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения, изд. 2. М., 1866; А. И. Никитский. Очерки из жизни Великого Новгорода. ЖМНП, 1869, № 10; В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, изд. 3. М., 1902.

²⁴ См. Н. И. Костомаров. Северо-русские народоправства во времена удельно-вещевого уклада, II. СПб., 1863, стр. 50.

²⁵ В. О. Ключевский, придерживаясь общепринятой точки зрения о том, что старыми посадниками были бывшие степенные, писал: «Трудно угадать побуждения, заставлявшие удерживать правительственный авторитет за бывшими высшими чиновни-

Перед нами встает, таким образом, как первоочередная проблема — вопрос об организации посадничества. Этот вопрос вовсе не частного значения. Если существовали феодальные группировки и если они боролись между собой за власть, организация власти не может возникнуть вне такой борьбы. Если само посадничество как наиболее существенная часть государственного аппарата было орудием классового принуждения, то это орудие не могло не совершенствоваться в ходе классовой борьбы. Поэтому, изучая организацию посадничества, мы должны исследовать ее и как результат действия социальных и политических причин, которые определили ее возникновение и развитие.

Основная группа сведений о посадниках содержится главным образом в летописях новгородского круга. Эти сведения снабжены указанием дат и описанием важнейших событий, связанных с деятельностью отдельных посадников. Однако для некоторых периодов ощущаются заметные пробелы. Такие пробелы особенно характерны для середины XIII в., середины XIV в. и XV в., кроме двух его первых десятилетий.

Другая группа сведений может быть извлечена из актов. Сравнительно с летописями, акты дают весьма фрагментарную картину, а в ряде случаев утрачивают датирующий характер, когда сами они могут быть датированы лишь по упоминанию в них посадничьего имени. Кроме того, акты освещают поздний период истории республики начиная с середины XIII в. В этом, впрочем, заключается и их относительное преимущество, поскольку ранний период деятельности посадников сравнительно подробно освещен в летописях.

К третьему виду источников относятся археологические предметы, несущие на себе посадничьи имена, прежде всего — печати. Хронологическое значение печатей для точных датировок в большинстве случаев невелико, когда они обнаружены отдельно от документов и сами нуждаются в датировке. Это, однако, не касается печатей, сохранившихся при грамотах. В таких случаях они для хронологических выводов могут иной раз играть не меньшую роль, нежели тексты самих актов. Печати имеют и еще одно важное свойство. Будучи реалиями государственных институтов, они в своем развитии отражают развитие этих институтов. Их тип воспринимает наиболее характерные изменения в состоянии тех государственных учреждений, которые пользуются правом юрисдикции. Поэтому мы полагаем, что конечной целью сфрагистики должно быть изучение булл как источника по истории государственных институтов.

Наконец, четвертым видом источников являются летописные списки посадников. Эти документы настолько значительны, что должны быть поставлены на первое место среди других. Мы называем их в конце лишь в силу их очевидной специфики, требующей особых приемов исследовательского анализа, который может быть выполнен только сравнением показаний списков с данными прочих источников. Списки посадников не содержат самостоятельных хронологических указаний. Знакомясь с ними впервые, мы не знаем, расположены ли в них имена посадников в хронологическом или каком-либо ином порядке. У нас не может быть ясного представления о степени полноты этих списков и времени их составления. Мы не знаем, являются ли они вполне самостоятельными документами или экстрактом из общедоступных летописных сведений.

Важность всех этих вопросов заставляет начать исследование истории новгородского посадничества с источниковедческой характеристики летописных списков посадников.

ками» («Боярская дума древней Руси», стр. 192). Отметим, однако, что В. О. Ключевским были высказаны весьма ценные предположения о какой-то связи института старых посадников с кончанской административной системой (там же, стр. 204 и сл.).

Глава I

ЛЕТОПИСНЫЕ СПИСКИ НОВГОРОДСКИХ ПОСАДНИКОВ

Русские средневековые хронографы наряду с жанром летописного рассказа культивировали еще одну форму исторического повествования, которая в литературе еще не исследована в должной степени. Мы имеем в виду жанр лаконичного, сжатого до предела списка, перечисляющего основные факты перехода столов, кафедр и высших государственных должностей от одних лиц к другим. Иногда такие списки приобретают генеалогический характер, иногда их основой становится относительная хронология, исчисление продолжительности правления тех или иных лиц, чаще всего это сухое перечисление очередности правлений.

Существуют основания полагать, что этот жанр возникает в очень раннее время, еще до составления древнейших известных нам летописных сводов. «Возможно, — пишет Д. С. Лихачев, — что первые печерские летописцы знали лишь, что Игорь княжил 23 года, Святослав — 28 лет, Ярополк — 8 лет и т. д. Лишь Нестором была сделана попытка вычислить точные хронологические данные русских княжений на основании различных источников»¹.

В последующие столетия, когда летописный рассказ в том виде, как мы его понимаем сейчас, стал главной формой исторического повествования, краткие списки продолжали существовать как справочные таблицы, сжатое изложение главнейших сведений по истории и генеалогии правлений. Оба жанра развивались параллельно и, несмотря на взаимное проникновение, в известном смысле независимы, поскольку ставили перед собой несходные задачи. Летописный рассказ не задается целью сообщить все подробности смены князей, владык, посадников и тысяцких. Сообщив о приглашении того или иного князя, о выборе того или иного посадника, летописец во многих случаях не возвращается к ним, и мы читаем под следующим годом или под следующими годами о деятельности иного князя, иного посадника. Для ряда периодов вообще существуют пробелы, не заполненные княжением или посадничеством определенных лиц. Если бы мы попытались на основании летописного рассказа составить хронологические списки различных должностных лиц Новгорода, нас постигло бы большое разочарование, так как таблицы, полученные таким путем, отличались бы фрагментарностью и были бы испещрены многочисленными знаками вопроса.

¹ ПВЛ, ч. II. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 111.